

УДК 903.12(571.53)

Рыболовство в раннем голоцене на многослойном местонахождении Остров Лиственичный (в зоне затопления Богучанской ГЭС)

Е. О. Роговской

*Иркутская лаборатория археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН
Иркутский государственный университет*

А. М. Кузнецов

Иркутский государственный университет

Аннотация. До сих пор специальных исследований по древнему рыболовству Северного Приангарья практически не было. Между тем орудия рыболовного промысла регулярно фиксировались на археологических разновременных объектах региона. Материалы Богучанской экспедиции существенно дополнили фонд источников, позволив детализировать различные аспекты данного вида человеческой деятельности, начиная с ранних периодов голоцена. Одно из ведущих мест в рассматриваемой проблематике принадлежит многослойному местонахождению Остров Лиственичный. Обнаруженный на объекте представительный состав ихтиофауны и набор специализированного инструментария демонстрируют высокий уровень развития рыболовства около 9–7,5 тыс. л. н. В контексте общих проблем финальноплейстоценовой – голоценовой археологии Байкальской Сибири и сопредельных территорий материалы местонахождения с искусно обработанным и технологически выверенным инструментарием имеют большое значение в изучении начальных стадий древнего рыболовства и, очевидно, представляют собой проявление оригинальной докерамической культуры, повлиявшей на неолит региона.

Ключевые слова: Байкальская Сибирь, Северное Приангарье, Остров Лиственичный, ранний голоцен, рыболовство, ихтиофауна, гарпун, крючок.

Введение

В Северном Приангарье начиная с первых исследований в стояночных и погребальных материалах регулярно отмечался инструментарий, указывающий на одну из ведущих ролей рыболовства в системе жизнеобеспечения древнего населения края [Витковский, 1885]. Новейшими исследованиями, связанными с работами в зоне затопления Богучанской ГЭС, в 2006–2012 гг. с 42 местонахождений получены остатки материальной культуры (крючки, гарпуны, остроги, рыбки-приманки, грузила, костные остатки ихтиофауны) разных эпох, свидетельствующие об активной эксплуатации богатых рыбных ресурсов Ангары. Среди этих объектов одно из ведущих мест занимает Остров Лиственичный, ма-

териалы которого убедительно иллюстрируют самостоятельный характер данной отрасли хозяйства древнего человека в раннем голоцене – 9–7,5 тыс. л. н.

Местонахождение Остров Лиственичный расположено на одноименном острове, лежащем на половине расстояния от устьев рек Каты и Ёдармы (рис. 1). Долины этих рек, являющихся соответственно правым и левым притоками Ангары, находятся практически напротив друг друга, образуя Като-Ёдарминское расширение. Территория занимает поворотно-угловую северо-восточную географическую позицию между субмеридиональным течением р. Ангары в Иркутской области и субширотным ее течением в Красноярском крае. Като-Ёдарминский район вписан в Северное Приангарье и вместе с таковым отнесен к северной окраине Байкальской Сибири [Роговской, Когай, Новосельцева, 2012].

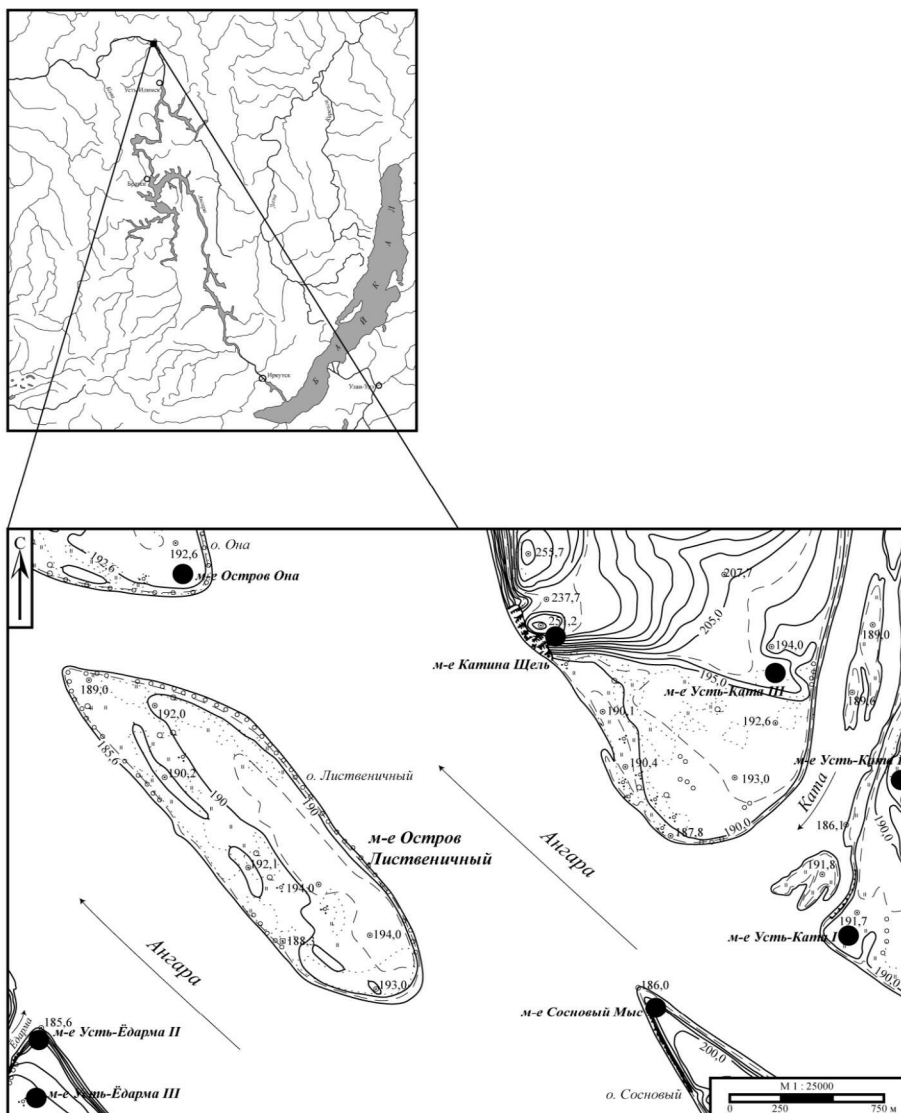

Рис. 1. Карта-схема местонахождения Остров Лиственичный

Остров Лиственничный по ангарским меркам небольшой – 1 200 000 м². Поверхность пологая, со слабозаметными в микрорельефе возвышенностями. В структурно-геоморфологическом отношении остров тяготеет к Ёдарминской площади опускания. Абсолютные высотные отметки поверхности острова 188–191 м. Относительные отметки – 4–5 м от уреза воды, в нижней части острова – 2–3 м. Местонахождение дислоцируется в верхней части острова в двух пунктах: на приверхе и в полукилометре ниже по течению, по правому берегу, обращенному к Катской протоке. Растительность на острове представлена отдельными участками леса лиственных пород и широкими полями со средним и высоким травостоем. На острове длительное время размещались пахотные и пастбищные угодья ближайших деревень.

Открытие стоянки состоялось в 2007 г. во время проведения инвентаризации объектов археологического наследия Усть-Илимского района, расположенных в границах затопления ложа Богучанской ГЭС на территории Иркутской области. Вплоть до 2012 г. на объекте осуществлялись рекогносцировочные и спасательные работы. За 2011–2012 гг. раскопная площадь составила 1450 м². На различных участках острова вскрыта толща голоценовых и позднеплейстоценовых отложений мощностью около 4,5 м. Выявлено 7 культуросодержащих горизонтов, 6 из которых приурочены к слоистым образованиям голоценового времени. 3-й и 5-й культуросодержащие горизонты (ксг) являются основными, характеризующими местонахождение Остров Лиственничный. Коллекции археологических материалов этих уровней придают ему статус опорного среди раннеголоценовых объектов Северного Приангарья [Роговской, Кузнецов, Попов, 2013; Роговской, Кузнецов, 2013]. 3-й горизонт зафиксирован в низах почвенных образований голоценового оптимума (7339±100 л. н. СОАН-8909, 7488±90 л. н. СОАН-8910), 5-й залегает в менее гумусированных подстилающих отложениях (8832±120 л. н. СОАН-8646 л. н., 8734±135 л. н. СОАН-8647, 8765±135 л. н. СОАН-8911). Зафиксированный в раскопе 2011 г. 4-й горизонт, представленный единичными находками, в 2012 г. не выявлен. Горизонты 2а, 2, 1 включены в отложения среднего и позднего голоцена. Коллекции горизонтов представлены немногочисленными фрагментами керамики и отдельными каменными изделиями [Роговской, Кузнецов, 2013].

Материалы

В целях анализа рыболовного промысла на Острове Лиственничный привлечены материалы спасательных работ 2011–2012 гг. В том числе: гарпуны, детали составных крючков, костяные рыбки-приманки, остатки ихтиофауны.

С учетом ранее разработанных различными авторами описаний и морфотипологических классификаций изделия, обнаруженные на Острове Лиственничный, определены как наконечники бородчатых или простых гарпунов [Там же, 2013], составляющих большую часть рыболовного инвентаря. Совокупная коллекция наконечников гарпунов из 3-го и 5-го культуросодержащих горизонтов составила 22 экз., включая целые и фрагментированные изделия, из них – 4 экз. в 3 ксг и 18 экз. в 5 ксг.

Наконечники гарпунов Острова Лиственничный достаточно сильно отличаются по размерам и оформлению насада. Их длина только в 5-м горизонте варьирует в пределах 12–26 см. По насадам выделяется 5 разновидностей (рис. 2). Различия являются, вероятно, косвенным указанием на дифференцированное использование изделий в зависимости от вида и размеров добываемой рыбы [Роговской, Кузнецов, 2013]. Отдельно рассматривая насады, можно прийти к выводу, что они более подходят для плотного крепления к древку. У большинства наконечников плоский насад, за исключением одного небольшого изделия (рис. 2, 2). Длина насада у сохранившихся целых наконечников занимает более одной трети (иногда около половины) всей длины изделия.

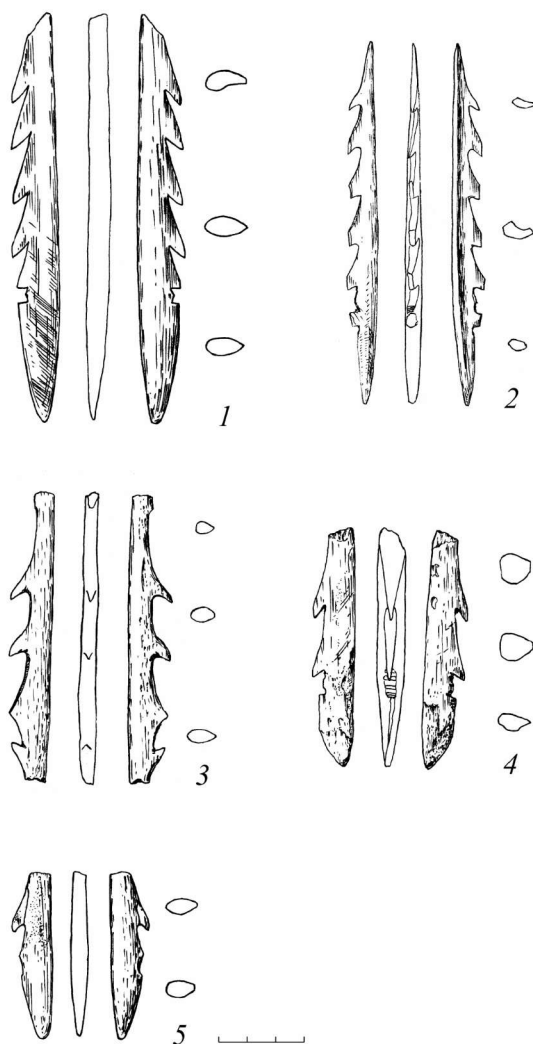

Рис. 2. Типы наконечников гарпунов местонахождения Остров Лиственничный:
3,5–3 кг; 1, 2, 4–5 кг

Среди многочисленного костяного инвентаря Острова Лиственничный, связанного с рыбной ловлей, особое место занимают скульптурные изображения рыб из кости. На территории Байкальской Сибири скульптуры рыб, в основном изготовленные из камня, встречаются относительно регулярно как в стояночных, так и в погребальных комплексах. Хронология находок, с учетом фигурок с Острова Лиственничный, начинается с позднего мезолита и заканчивается поздними этапами эпохи бронзы.

Костяные рыбки представлены двумя экземплярами. По классификации А. П. Окладникова стилистически относятся к «сигообразным» [Окладников, 1936; Студзицкая, 1976].

Первая найдена в 3-м горизонте (рис. 3, 1). Стенка трубчатой кости, послужившая заготовкой, придает изделию слегка выгнутую форму. Доводка до необходимых параметров осуществлялась способом двусторонней шлифовки. Края скульптурки слегка приостренные. Тело вытянуто, обозначено плавными контурами, натуралистично повторяя характерные рыбы очертания. Выпуклые изгибы спины и брюшка заканчиваются довольно резкими выемками в районе хвоста, выделяя таким образом данный элемент фигуры. Голова специфически заострена под углом около 45° . На верхней части головы, с двух сторон напротив друг друга, выполнены круглые глаза в виде ямок, окруженных желобками-кольцами. Рыбка имеет три сквозных биконических отверстия: частично разрушенное на месте спинного плавника, по центру тяжести изделия, также частично разрушенное на брюшке в районе головы, и целое – на брюшке ближе к хвосту. Рядом с отверстием, расположенным у хвоста, фиксируется маленькая лунка от незаконченного отверстия. Изделие имеет длину 14,5 см, ширину в максимальных значениях 3,5 см и толщину 0,6 см.

Вторая рыбка найдена в 5-м горизонте (рис. 3, 2). Она также изготовлена из трубчатой кости крупного млекопитающего. Туловище по сравнению с аналогом из 3-го горизонта имеет более вытянутую форму. Изготовлена рыбка-приманка способом двусторонней шлифовки. Здесь мы наблюдаем ту же плавность контуров, профилирующих спинку и брюшко рыбы, переход к хвосту за счет плавного сужения тела и затем расширение в месте хвостового плавника. Голова заострена под более острым углом в 35° . Хвостовой плавник частично обломан, спинной плавник тщательно оформлен узким, глубоким, косым врезом и имеет отверстие посередине. Небольшой выступ в нижней части рыбки, ближе к хвосту, скорее всего, имитирует анальный плавник. Глаза оформлены с одной стороны изделия в виде маленькой, не более 1,5 мм в диаметре, лунки. На брюшной части, ближе к голове, располагается круглое биконическое сквозное отверстие. На теле рыбки фиксируются пунктирные линии, идущие от морды к хвосту, причем на одной из сторон пунктир идет в два ряда. Этот элемент, вероятно, имитирует боковую линию сиговых пород рыб. Длина скульптурного изображения – 14 см, ширина – 3,5 см, толщина – около 0,7 см.

В рыболовном инструментарии Острова Лиственничный фигурируют 9 элементов составных крючков. Все предметы изготовлены из костей и зубов животных (рис. 4).

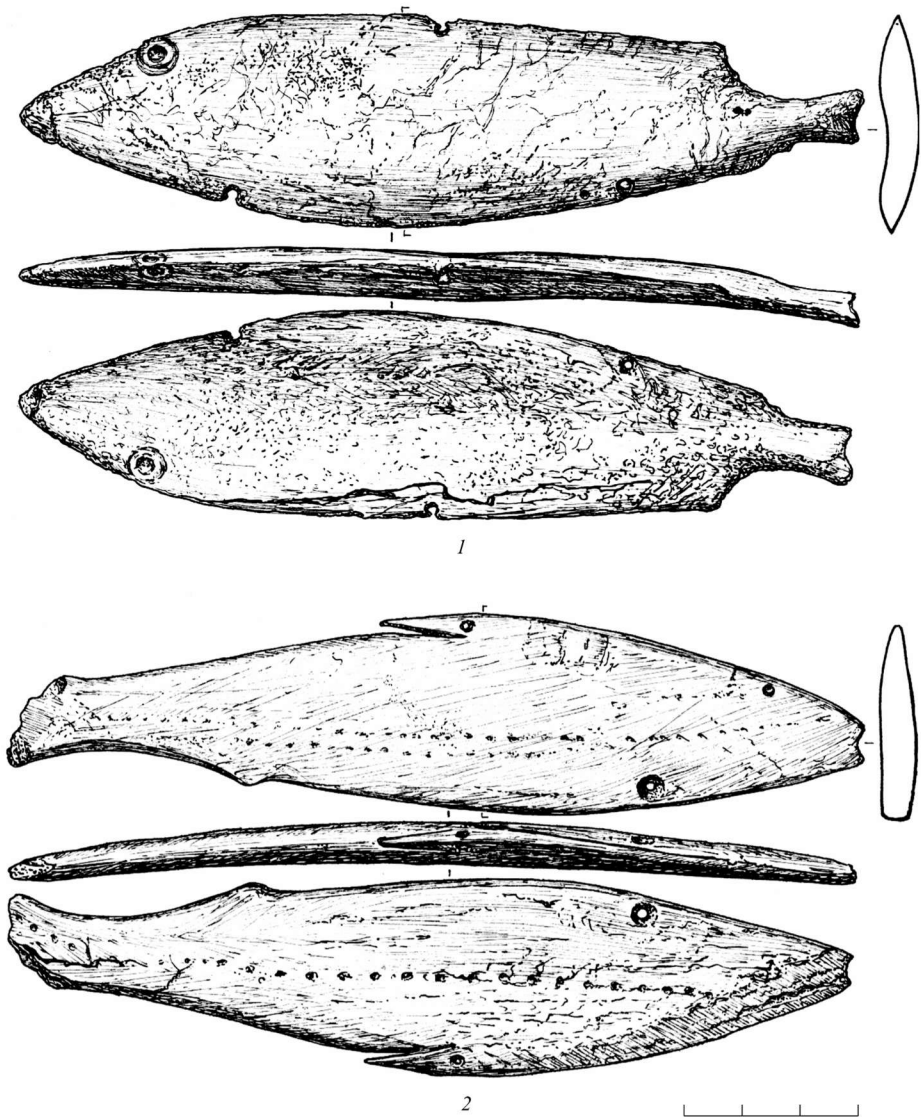

Рис. 3. Рыбки-приманки местонахождения Остров Лиственичный.
1 – 3 кг; 2 – 5 кг

В 3-м кг стоянки отмечено 7 элементов составных крючков. Стерженьки 3-го кг представлены двумя экземплярами. Один из них имеет вид тонкого, шлифованного, слегка изогнутого костяного цилиндра длиной 2,5 см и диаметром 0,3 см. Верхняя часть немного приострена и имеет четко оформленную головку. Нижняя часть обломана (рис. 4, 7). У второго экземпляра более изогнутая, треугольная в сечении форма. По двум граням видны следы шлифовки, на третьей имеется V-образный, сужающийся к головке паз.

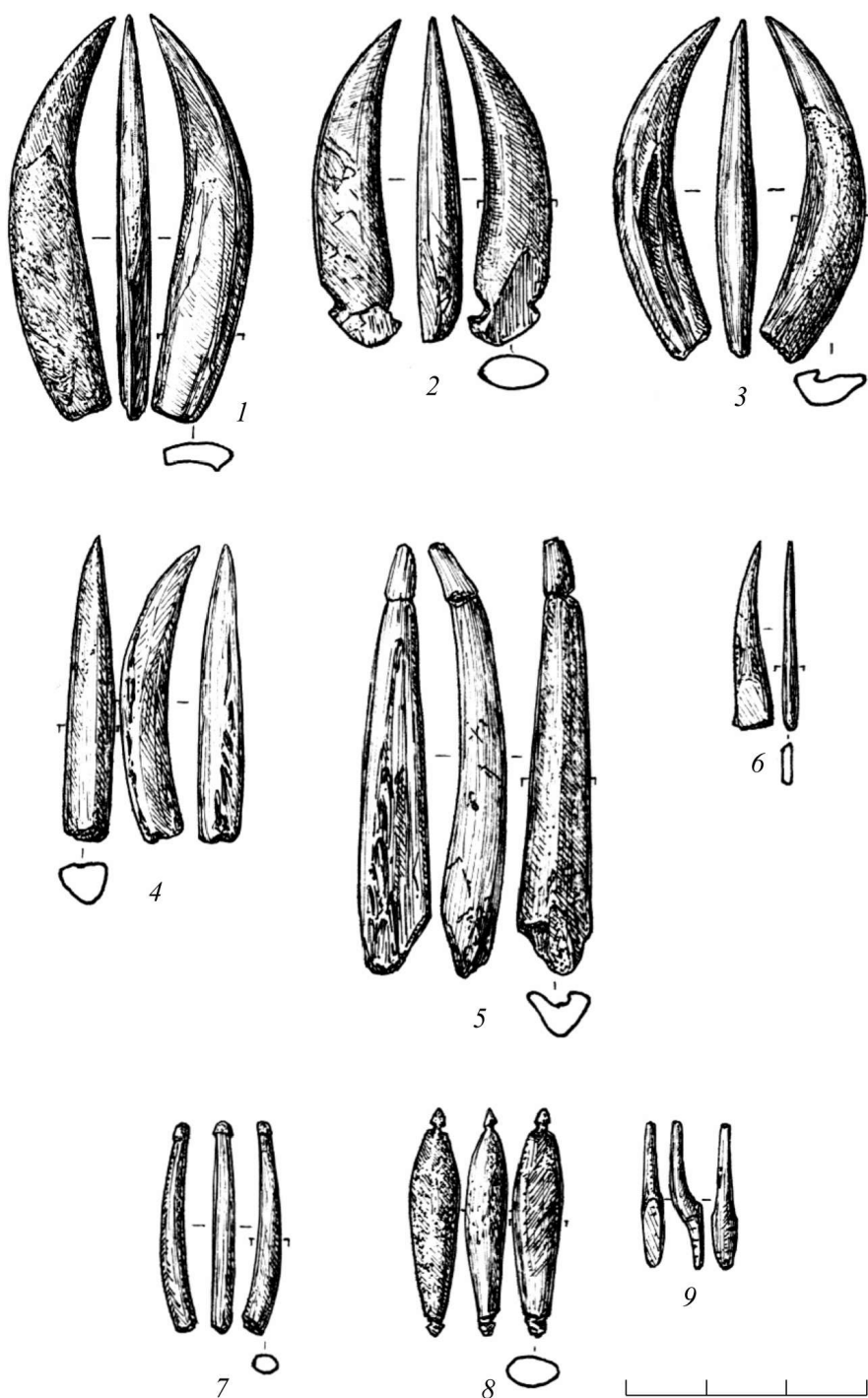

Рис. 4. Элементы составных крючков местонахождения Остров Лиственичный:
1-7 - 3 кг; 8, 9 - 5 кг

Нижняя часть изделия обломана и, возможно, заканчивалась продольным пазом. На верхнем конце оформлена головка. Длина изделия составляет 5,5 см, диаметр не превышает 0,7 см (рис. 4, 5).

Жальца из 3-го горизонта представлены преимущественно обработанными медвежьими клыками (по определению А. М. Клементьева) в количестве 5 экз. Первый предмет имеет длину 3,8 см. Жальце в сечении подтреугольное, утончено шлифовкой. В торце неглубокая поперечная прорезь (рис. 4, 4). Второй и третий экземпляры – длиной 5 и 4,3 см соответственно и уплощенные шлифовкой по двум граням. В верхней части клыков наблюдаются затертые шлифовкой остатки зубного канала (рис. 4, 1, 3). Четвертый экземпляр изготовлен из клыка более мелкого хищника. Длина находки – 2,2 см (рис. 4, 6). Кроме того, второй, третий и четвертый экземпляры имеют уплощение в основании: разница в толщине между серединой и краем изделий составляет от 0,15 до 0,1 см.

Пятый экземпляр в длину – 4 см. Изделие по двум граням уплощено шлифовкой. В основании двумя вырезами оформлен перехват. Этот экземпляр может также интерпретироваться как приманка для рыбы (рис. 4, 2). Подобное применение медвежьих клыков упоминается у А. П. Окладникова при этнографических описаниях рыбной ловли на Северо-Американском континенте [Окладников, 1950]. Вполне типичным изделие выглядит и как подвеска.

Составные крючки из 5-го ксг представлены двумя элементами: цевьем и жальцем. Цевье представляет собой костяной цилиндр, в поперечном сечении округлый, немного расширяющийся книзу (рис. 4, 8). Длина изделия – 2,8 см, диаметр – 0,5 см. На верхнем конце кольцевидными нарезками оформлена головка. На нижнем конце шлифовкой и некоторым уплощением выделена основа для фронтального крепления острия под углом 25° к основанию и вырезана шишечка, предположительно использовавшаяся для лучшего закрепления жальца. Жальце длиной 2 см вырезано из мелкого фрагмента кости. Острие жальца притуплено, вероятно в результате утилизации. Нижний край выгнут для крепления к цевью и имеет ряд мелких параллельных насечек (рис. 4, 9).

Рассматривая варианты крепления острия к цевью, можно говорить как минимум о трех его вариантах. В 5-м ксг речь идет о плотном прилегании во фронтальной позиции нижнего конца острия к уплощенной стороне стерженька. Оба элемента зафиксированы в планиграфической близости. Имеющиеся стерженьки из 3-го ксг фрагментированы. Отсутствуют сегменты, к которым крепилось острие. Для остриев, изготовленных из уплощенных по всей длине медвежьих клыков и дополнительно в основании, наиболее логичным представляется крепление в продольном пазе или расщепе деревянного стерженька. Не исключен вариант и бокового крепления.

Сопоставляя габариты рыболовного инвентаря с размерами и видами рыб в составе улова, считаем очевидным факт зависимости этих данных. В этой связи интересно отметить следующее наблюдение. Наибольшее количество видов рыб, размеры которых не превышают 30, максимум 40 см (а чаще до 20 см) (плотва, язь, елец, окунь), встречены в раскопе 2011 г. вместе с наименьшим экземпляром крючковой снасти – составным крючком из 5-го

кcg В 2012 г. в 3-м кcg зафиксирован фрагмент маленького стерженька, где также отмечено небольшое количество плотвы. Крупные крючки из 3-го кcg, изготовленные из клыков медведя, очевидно, использовались для лова крупной рыбы удилищем или переметом.

За два года спасательных работ собрана представительная коллекция ихтиофауны. В 2011 г. кости рыб обнаружены только в 5-м кcg, так как в этот год в 3-м кcg археологическая коллекция была немногочисленна, а ихтиофауна представлена неопределимыми фрагментами. Определение костей ископаемых видов проводилось на основе сравнения их с аналогичными элементами у современных видов рыб. По причине плохой сохранности весь массив ихтиофауны не диагностируется, что может приводить к ряду субъективных решений. Очевидно, что археологическая коллекция костных остатков дает неполную картину по выловленным видам. Но определяемые фоновые значения позволяют воспроизвести видовой состав рыб и промысловые предпочтения (табл.).

Таблица

Состав рыб в материалах раскопок местонахождения Остров Лиственичный

Годы раскопок кcg	2011		2012		2012	
	5		5		3	
Виды рыб	Экз.	%	Экз.	%	Экз.	%
Осетр и стерлядь	45	16,24	50	58,82	135	66,67
Таймень	7	2,53			1	0,48
Нельма			1	1,18	3	1,45
Сиг	1	0,36				
Щука	36	13,00	22	25,88	39	17,87
Плотва	2	0,72			6	2,9
Язь	4	1,44				
Елец	2	0,72				
Налим	164	59,21	7	8,23	22	10,63
Окунь	16	5,78	5	5,88		
Исходная выборка	428	100	103	100	244	100
Учтено	277	64,7	85	82,5	206	84,4

В коллекции фигурируют 11 видов (сибирский осетр, сибирская стерлядь, нельма, сиг, таймень, налим, щука, плотва, сибирский елец, окунь, язь). Из них осетровые, налим, щука составляли основу промысла (92,2 %). В уловах преобладали рыбы массой около 1–4 кг в возрасте 8–12 лет. Максимальная масса определимых экземпляров осетровых достигала 11,5 кг; щуки – 4 кг; налима – 10 кг [Мамонтов, Роговской, 2013]. С учетом экземпляров небольших размеров средние значения составляют 4–5 кг, 2,5 кг, 6 кг соответственно перечисленным выше видам. При сохранении общего фона состава вылова имеются расхождения в количестве налима в 3-м и 5-м горизонтах по годам раскопок. Связано это, вероятно, с планиграфическими особенностями распределения материала на различных участках, вскрытых раскопами разных лет.

Обсуждение

Самые ранние свидетельства присутствия рыбы в рационе древних людей на территории Байкальской Сибири обнаружены на позднепалеолитической стоянке Мальта, где в раскопках 1928–1932 и 1957–1958 гг. найдены кости крупных рыб и бусы, изготовленные из позвонков тайменя, и кости того же вида во время работ 1995 г. [Герасимов, 1935; Мальтинское палеолитическое местонахождение..., 1996]. На многослойном позднепалеолитическом местонахождении Красный Яр во 2-м горизонте (15 тыс. л. н.) также обнаружены рыбы кости, предположительно тайменя [Абрамова, 1978].

Формирование рыболовства как самостоятельной отрасли на территории Байкальской Сибири, судя по имеющимся на сегодняшний день материалам, фиксируется в финале неоплейстоцена и на рубеже неоплейстоцена и голоцена [Стоянки Ангаро-Бельского района..., 1971; Аксенов, 1974, 1980; Шмыгун, 1981; Инешин, Тетенькин, 2010; Роговской, Кузнецов, 2013], но, как в свое время верно отметил М. П. Аксенов, описывая наконечники гарпунов финальнопалеолитического местонахождения Верхоленская Гора, эти предметы уже «выработанных и совершенных форм» указывают на то, «что мы имеем дело с несомненно ранними, но не первоначальными этапами развития этого рыболовного инвентаря» [Аксенов, 1980, с. 56–57], и вероятны более ранние находки рыболовного инвентаря из кости или рога. Древнейшее рыболовное орудие обнаружено на местонахождении Курла. Двусторонний гарпун с плоским насадом зафиксирован в верхних горизонтах стоянки, абсолютные даты которых – 15–13 тыс. л. н. [Шмыгун, 1981].

К сказанному выше можно добавить, что время зарождения и развития отрасли в регионе в целом сопоставимо с общей хронологией древнего рыболовства на Евразийском континенте. Во второй половине позднего палеолита фиксируется наличие рыбы в рационе питания человека, а уже начиная с финального палеолита и в мезолите – возрастание роли рыболовства и совершенствование орудий лова [Формозов, 1977; Ошибкина, 1983; Гурина, 1993; Ташак, 1996; Первые рыболовы..., 1998]. На территории Байкальской Сибири первые специальные исследования в этом направлении предприняты А. П. Окладниковым в работе о каменных рыбах-приманках [Окладников, 1936]. В дальнейшем различным аспектам изучения древнего рыболовства в регионе были посвящены работы А. П. Окладникова, Г. И. Медведева, С. И. Эверстова [Окладников, 1950; Медведев, 1978; Эверстов, 1988]. На сегодняшний день эта отрасль хозяйствования наиболее полно раскрыта на материалах стояночных комплексов побережья Байкала, где, начиная с раннеголоценовых культурных горизонтов и заканчивая культурами позднего голоцена, собрана многочисленная коллекция ихтиофауны и разнообразный рыболовный орудийный набор [Новиков, Горюнова, 2005; Использование бухты Улан-Хада..., 2011]. До настоящего времени единственной работой, где рассматривается один из аспектов древнего рыболовного промысла в Северном Приангарье, была статья, посвященная составу улова на многослойной стоянке Пашино [Цепкин, 1980].

Уже сам выбор места для поселения на острове Лиственничном, вероятно, свидетельствует об определенном интересе его обитателей к речным ресур-

сам. Вплоть до начала заполнения ложа Богучанского водохранилища Като-Ёдарминский участок считался у местного населения самым богатым местом рыбной ловли как минимум на 100–120-километровом участке Ангары. В больших количествах ловились ценные породы рыб: таймень, хариус, ленок, сиг, ближе к устьевым и прибрежным участкам – налим, щука и др. Вплоть до середины 1960-х гг., т. е. до того, как популяция осетровых на Нижней Ангаре была еще неокончательно подорвана, напротив острова Лиственичный, у правого берега Ангары, под природным достопримечательным местом – скалой Катина Щель, со слов старожилов, в ямах зимовали большие стаи осетров. В годы Великой Отечественной войны в дер. Ката, располагавшейся в устье одноименной реки, функционировала рыбозаготовительная база, и продукция в больших количествах отправлялась на фронт.

У доминирующих видов в составе уловов 3-го и 5-го горизонтов наиболее удачный период лова совпадает. У налима – при первых заморозках [Шаганов, 2009], у щуки – в сентябре-октябре, когда щуки нагуливают жир перед зимовкой. Осетровые – в сентябре, начале октября собираются на глубоких участках рек (ямах) на зимовку [Пятиязычный словарь..., 1989]. Их массовый промысел в историческое время жителями деревень в среднем и нижнем течении Ангары осуществлялся именно в это время. Время добычи териофауны также совпало с осенним сезоном. Период вычислен А. М. Клементьевым по срокам прорезывания и стирания зубов косули, обнаруженных в 3-м горизонте. Экземпляры челюстей добыты в возрасте 5–6 месяцев – срок добычи с сентября по ноябрь. Наличие на стоянке рыбок-приманок мы тоже считаем признаком, указывающим на добычу рыбы в холодное время, в период максимально эффективного промысла. В рамках выстроенной конструкции и с учетом привлеченных этнографических материалов [Василевич, 1969] сезон лова мог охватывать осенне-зимние месяцы.

В сравнении с составом ихтиофауны местонахождений в долинах рек в Южном Приангарье отмечается существенное отличие в уловах, что, очевидно, связано с сезоном лова и топографией объекта. На местонахождении Усть-Хайта, расположенном в нижнем течении р. Белая, в устье р. Хайта, сезон лова определен весной, т. е. в период нерестового хода. В видовом составе преобладали хариус, ленок, елец, сиг [Мамонтов, Савельев, Игумнова, 2007]. В мезолитических горизонтах Усть-Белой преобладают осетровые, что может указывать как на осенний, так и на весенний сезон лова [Медведев, 1971]. На объектах ближайшего окружения – Усть-Кеуль I и Усть-Ёдарма II в составе уловов наибольшее представительство приходится на те же виды. Эта картина с небольшими колебаниями наблюдается по всем уровням и горизонтам вышеупомянутых стоянок, из чего можно сделать предположение, что для Северного Приангарья рыбный промысел был ориентирован в основном на эти три вида, вне зависимости от хронологии и, вероятно, сезона лова.

Одной из проблем, стоящих перед авторами данной статьи, является терминологическое и, как следствие, функциональное определение зубчатых наконечников, найденных на стоянке Остров Лиственичный. В археологических и этнографических коллекциях исследователи выделяют два сходных, но имеющих разное назначение вида орудий – гарпуны и зубчатые острия,

т. е. метательные копыя, остроги и дротики. Морфологически близкие наконечники бородчатых гарпунов и зубчатые острия – наконечники острог, дротиков или копий в морфоописании отделены друг от друга по оформлению насада. Отверстия и различные по форме выемки и выступы в терминологии конструктивных элементов именуется стопор-линиями наконечников гарпунов [Медведев, 1978; Эверстов, 1988; Гурина, 1991; Первые рыболовы..., 1998]. Оба вида орудий отличаются друг от друга особенностями крепления наконечников и, соответственно, способом добычи. В отличие от жестко закрепленного зубчатого острия на остроге, у гарпуна отделяющийся наконечник соединен с древком эластичным линем. Анализируя сопутствующие гарпунам палеонтологию и топографию стоянок, некоторые авторы определяют их как орудия для охоты на морских животных или крупных рыб [Первые рыболовы..., 1998], распространяя эти рассуждения как на поворотные, так и на простые гарпуны. При этом для наконечников простых гарпунов существует альтернативное мнение. Эти наконечники, так же как и зубчатые острия, жестко крепились к древку различными способами и использовались для покола рыбы и ее удержания прямым, т. е. не дистанционным способом. В данном случае простые гарпуны по функции приравниваются к тем же острогам и гарпунами фактически не являются. В пользу этого мнения может служить находка с мезолитической стоянки Нижнее Веретье I. Несмотря на оформление насада с выступом в виде обратного зубца, формально соответствующее наконечникам гарпунов, благодаря уникальной сохранности предметов, присущей этой стоянке, на изделии сохранилось прямое указание на жесткое крепление к древку. Для этого основание и последний встречный зубец плотно обматывали лентой бересты, доходившей до последнего зубца, направленного вниз. Затем острие на смоле прикрепляли к древку и обматывали волокнистым растением или шнуром, который укреплялся как раз на встречном зубце-упоре. Также подобные находки со следами смолы фиксировались на территории Дании, Швеции, Германии [Ошибкина, 1983, с. 102]. Однако использование зубчатых орудий С. В. Ошибкина, привлекая различные контексты этой стоянки и материалы близких по возрасту европейских памятников, связывает с охотой на териофауну, а не с рыболовным промыслом [Ошибкина, 1983, с. 107–108].

Обращаясь к материалам Верхнего Приангарья и побережья оз. Байкал, отметим, что, опираясь на территориально близкие этнографические свидетельства и фиксируемые вместе с изделиями остатки ихтиофауны, исследователи считают рыболовный промысел основным назначением гарпунов, при этом функционально определяя их собственно острогами [Аксенов, 1980; Новиков, Горюнова, 2005]. Близкая ситуация и на Острове Лиственничный. Зубчатые наконечники сопровождаются представительной коллекцией ихтиофауны. Кроме того, в каждом из горизонтов зафиксированы рыбки-приманки, и само по себе соотношение вещей считаем также не случайным. В этнографических материалах народов Сибири остроги использовались во время рыбалки у местных народов в сочетании с рыбками-приманками [Окладников, 1950, с. 254, 257; Василевич, 1969, с. 84].

Несмотря на то что для верификации терминологического соответствия морфотипа и функции привлечены этнографические данные, археологические аналогии, хотя и дальние, биологические циклы и палеонтологические материалы с выходом на сезонность и топография местонахождения, однозначного решения эта задача в данном случае и на данный момент не имеет. Поскольку прямые указания на то, что подобные изделия на Острове Лиственничном имели жесткое крепление и использовались в качестве наконечников острог для покола рыбы, отсутствуют, тогда как вариант рассмотрения подобных изделий в качестве наконечников гарпунов остается. В качестве альтернативы можно вспомнить пример из этнографии использования гарпунов при добыче рыбы, приведенный Г. Кларком. Он так описывает этот процесс у индейцев Северной Америки: «У индейцев с берегов реки Фрэзер гарпунщик, стоя на носу каноэ, ощупывал дно, пока не наткнулся на шишковатую спину осетра; тогда, вонзив гарпун, он резким движением освобождал наконечник и давал рыбе биться на лесе до полного изнеможения» [Кларк, 1953, с. 64]. Правда, здесь остается неясной форма насада. В контексте возможного использования именно гарпунов для добычи рыбы следует привести еще одно наблюдение. В комплексе костяных бородчатых наконечников Нижнего Веретя I С. В. Ошибкина выделяет действительные наконечники гарпунов – «изделия с массивным, овальными в сечении насадами и сквозными отверстиями для крепления линия» при полном отсутствии костей морских животных, но огромным количеством костей щуки [Ошибкина, 1997, с. 73–74].

Первая работа, посвященная каменным рыбам Сибири, принадлежит Д. Н. Анучину и опубликована еще в конце XIX в. [Анучин, 1886]. Классификацию сибирских фигурок и их функциональное определение как рыбок-приманок впервые в отечественной археологии осуществил А. П. Окладников [Окладников, 1936]. Позднее к этой теме обращалась С. В. Студзицкая. Проанализировав материалы неолитических комплексов Прибайкалья, она выполнила стилистическую классификацию скульптурных изображений и культурно-хронологическое распределение [Студзицкая, 1972, 1976]. Опираясь на этнографические источники, А. П. Окладников относит изображения рыб к приспособлениям рыбного лова, при этом совсем не исключая их культового назначения, имея в виду особо крупные фигурки (длиной до 50 см) [Окладников, 1950]. Приводимые им примеры дают достаточно ясное представление о способе лова у эвенков с помощью рыбки и остроги [Окладников, 1950, с. 254]. В дополнение и для иллюстрации использования костяных рыбок-приманок приводим описание рыбной ловли у эвенков поколом через лунку проруби: «У енисейских эвенков... к крючку привязывали костяную или каменную рыбку-приманку – печер (колар – ербогоч.), которая служила и грузом. Зимой старики, сидя у лунки, приманивали рыбу, пошевеливая короткой бечевкой, к которой был привязан печер. Когда рыба подходила, кололи ее острой с коротким древком. Ербогоченские эвенки часто обматывали костяную рыбку красной ниткой или рисовали на ней краской полоски, иногда привязывали красные тряпочки (халга-карин – букв. ножки), которые от дви-

жения походили на поплавки. Удские эвенки изготовляли раньше веревку из конского волоса, а рыбку из кости» [Василевич, 1969, с. 84].

Область применения рыбок стоянки Остров Лиственичный можно с большей долей вероятности отнести к рыболовству. На этот вывод наталкивает ряд наблюдений. В остеологической коллекции присутствует значительный в количественном отношении и разнообразный по составу набор ихтиофауны. В коллекции костяного инвентаря фигурируют орудия лова, предназначенные для покола, т. е. сопутствующий инвентарь для рыбной ловли с помощью рыбок-приманок. Размер и технологическое исполнение костяных рыбок – расположение отверстий на плавниках, по центру тяжести изделий – обеспечивает горизонтальное, «плывущее» положение подвешенной рыбки. В отверстия, располагающиеся на брюшной стороне на месте плавничков, вероятно, вставлялись ярко окрашенные элементы из органических волокон для имитации настоящих плавников [Окладников, 1950, с. 253, Василевич, 1969, с. 84].

Начальное упоминание о находке элементов составных крючков на территории Байкальской Сибири связано с именем Н. И. Витковского [Витковский, 1885]. Но обнаруженные им каменные стерженьки исследователь не связывал с рыболовством. Первым среди российских исследователей, кто отнес стерженьки к орудиям рыболовного промысла, был Ф. К. Афанасьев. В конструкции составного крючка он определил следующие элементы – собственно каменный стерженек, связующее звено из дерева и коготь птицы, исполняющий роль жальца [Афанасьев, 1898]. Позднее Б. Э. Петри по результатам раскопок на неолитической стоянке Улан-Хада на Байкале описал составной крючок: «Крючки состоят из двух частей – острия и стерженька. Стерженек имеет вид круглой, уплощенной с двух сторон и суживающейся к одному концу палочки. На широком своем конце он имеет выемки с поперечными зарубочками, за которые очень удобно закреплять обмотку. Противоположная сторона этого широкого конца слегка скошена. Узкий конец почти круглый и имеет две зарубки для привязывания лесы» [Петри, 1916, с. 120]. находка составного крючка с обвязкой стержня и жала бичевой из растительных волокон на местонахождении Двиете показала правильность подобной реконструкции [Гурина, 1956, с. 109]. В отечественной археологии первым исследователем, акцентировавшим свое внимание на рыболовных крючках, был В. В. Федоров. Он проследил технику изготовления составных крючков, используя имеющиеся к тому времени археологические коллекции и подкрепив свои исследования некоторыми этнографическими данными [Федоров, 1937]. В дальнейшем к теме классификации крючков обращались С. И. Эверстов и Н. Н. Гурина [Эверстов, 1988; Гурина, 1991].

Заключение

На сегодня материалы стоянки являются в Северном Приангарье одним из наиболее ранних свидетельств сформировавшегося рыболовного промысла, с представительным набором рыболовного инструментария. Предлагаемые в статье модели лова определяются двумя видами: крючковой снастью и поколом с использованием рыбки-приманки. Косвенных (и тем более пря-

мых) свидетельств лова сетями, к числу которых некоторые исследователи относят грузила – особым образом обработанные гальки [Новиков, Горюнова, 2005], на стоянке не обнаружены.

Разнообразные по форме и размерам крючки и гарпуны, рыбки-приманки указывают на достаточно сложную организацию лова, ориентированную на различную по виду и габаритам добычу.

Сезон лова на стоянке, вероятно, был осенне-зимним. В большей степени об этом говорят выводы по териофауне и инвентарю, чем по видовому составу улова. В ранее опубликованных и планируемых к публикации в ближайшее время материалах других местонахождений Северного Приангарья (их публикация планируется несколько позднее) обращает на себя внимание устойчивость промысловых предпочтений (осетровые, щука, налим), наблюдаемая вне зависимости от топографии объектов, хронологии и, очевидно, сезона лова [Цепкин, 1980].

Место рыбы в рационе питания жителей Острова Лиственничный можно определить как значительное, но не определяющее. Процентное соотношение количества костей рыб к общему количеству остеологического материала в 3-м ксг составляет 10,5 %, для 5-го ксг – 26 %. Несмотря на существенную долю условности этих цифр, нельзя не обратить внимание на распределение по горизонтам количества рыболовного инвентаря, сопоставимое с выведенными процентами. Общее количество предметов, относящихся к рыболовному инструментарию, в 3-м ксг составляет 12 экз., в то время как коллекция 5-го горизонта состоит из 20 изделий. Не исключено, что предлагаемые соотношения являются отражением разницы значения и роли рыболовства в системе жизнеобеспечения около 9 и 7,5 тыс. л. н.

В контексте общих вопросов неолитоведения и хронологии ведущих категорий неолита Байкальской Сибири отдельные предметы из рыболовного инструментария уверенно можно отнести в разряд уникальных. Это прежде всего относится к фигурке рыбы из 5-го ксг, являющейся на сегодня самым древним подобным скульптурным изображением на территории Байкальской Сибири [Тимошенко, 2000, Новиков, Горюнова, 2005]. Жальце из 5-го ксг находит прямые аналогии в материалах мезолитических горизонтов Усть-Белой (рис. 4, 9). Предложенное в свое время Г. И. Медведевым функциональное назначение предмета нашло свое подтверждение на Острове Лиственничный, фиксируя, таким образом, одно из первых проявлений наличия крючковой снасти у древних жителей региона [Медведев, 1971].

Материалы местонахождения, с одной стороны, играют важную роль в изучении развития неолитических культур Байкальской Сибири, с другой – судя по искусно обработанному и технологически выверенному рыболовному инструментарию, а также многочисленным коллекциям ихтиофауны с раннеголоценовых горизонтов многослойных объектов в устье рек Ёдарма и Кеуль, указывают на существование в регионе более ранних этапов данного типа хозяйствования.

Список литературы

Абрамова З. А. Палеолитическое поселение Красный Яр на Ангаре (верхний комплекс) / З. А. Абрамова // Древние культуры Приангарья. – Новосибирск : Наука, 1978. – С. 7–34.

Аксенов М. П. Многослойный археологический памятник Макарово II / М. П. Аксенов // Древняя история народов юга Восточной Сибири. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 1974. – Вып. 1. – С. 91–126.

Аксенов М. П. Археологическая стратиграфия и послойное описание инвентаря Верхоленской горы I / М. П. Аксенов // Мезолит Верхнего Приангарья. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 1980. – Вып. 2 : Памятники Иркутского района. – С. 45–93.

Анучин Д. Н. О некоторых своеобразных древних каменных изделиях из Сибири / Д. Н. Анучин // Тр. VI археол. съезда, 1886. – Т. 1. – С. 35–46.

Афанасьев Ф. К. К доисторической археологии Сибири / Ф. К. Афанасьев // Археол. изв. и заметки. – 1898. – № 1. – С. 56–60.

Василевич Г. М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.) / Г. М. Василевич. – Л. : Наука, 1969. – 302 с.

Витковский Н. И. О некоторых находках каменного периода в В. Сибири (Чалобец) / Н. И. Витковский // Древности. Тр. Моск. археол. о-ва. – 1885. – Т. 10. – С. 10–11.

Герасимов М. М. Раскопки палеолитической стоянки в селе Мальта / М. М. Герасимов // Предварительный отчет о работах 1928–1932 гг. // Изв. ГАИМК. – М. ; Л., 1935. – Вып. 118. – С. 78–124.

Гурина Н. Н. Оленеостровский могильник / Н. Н. Гурина – М. : Изд-во АН СССР, 1956. – 430 с. – (МИА ; № 47).

Гурина Н. Н. Некоторые общие вопросы изучения древнего рыболовства и морского промысла на территории СССР / Н. Н. Гурина // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла. – Л. : Наука, 1991 – С. 5–24.

Инешин Е. М. Человек и природная среда севера Байкальской Сибири в позднем плейстоцене. Местонахождение Большой Якорь I / Е. М. Инешин, А. В. Тетенькин. – Новосибирск : Наука, 2010. – 270 с.

Использование бухты Улан-Хада на озере Байкал в голоцене: по результатам анализа фаунистических материалов / Т. Ю. Номоконова, О. И. Горюнова, Р. Дж. Лозей, Н. А. Савельев // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011. – № 2 (46). – С. 30–36.

Кларк Г. Д. Доисторическая Европа / Г. Д. Кларк. – М. : Иностран. лит., 1953. – 331 с.

Мамонтов А. М. Состав рыб и возраст сига и хариуса в уловах мезолитического охотника-рыболова по материалам археологического местонахождения Усть-Хайта (р. Белая – приток р. Ангары) / А. М. Мамонтов, Н. А. Савельев, Е. С. Игумнова // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология : материалы Всерос. конф. с Междунар. участием, посвящ. 100-летию М. М. Герасимова. – Иркутск, 2007. – Т. 1. – С. 384–391.

Мамонтов А. М. Состав рыб в уловах на реке Ангаре в раннем голоцене по материалам местонахождения «Остров Лиственничный» (зона затопления Богучанской ГЭС) / А. М. Мамонтов, Е. О. Роговской // Вестн. ИРГСХА. – 2013. – Вып. 57, ч. 2. – С. 24–29.

Медведев Г. И. Хозяйственный уклад мезолитического поселения Усть-Белая / Г. И. Медведев // Мезолит Верхнего Приангарья. – Иркутск, 1971. – Ч. 1. – С. 111–126.

Медведев Г. И. Некоторые замечания об эволюции форм наконечников гарпунов в мезолите, неолите и энеолите Приангарья / Г. И. Медведев // Древняя история народов юга Восточной Сибири. – Иркутск, 1978. – Вып. 4. – С. 114–120.

Мальтинское палеолитическое местонахождение (по итогам полевых работ 1995 года) / Г. Медведев, Н. Ков, Г. Воробьева, Д. Куп, Л. Клэс, Е. Липнина,

С. Модри, Ш. Мухаррамов, С. Осадчий, П. Петитт, П. Ребриков, Е. Роговской, В. Ситливый, Л. Сулержицкий, Д. Хензыхенова. – Иркутск : Арком, 1996. – 32 с.

Новиков А. Г. Древнее рыболовство на Байкале (по материалам многослойных поселений периода мезолита – бронзового века) / А. Г. Новиков, О. И. Горюнова // Изв. лаборатории древних технологий. – Иркутск, 2005. – Вып. 3. – С. 125–134.

Окладников А. П. Каменные рыбы (К изучению памятников неолитического искусства Восточной Сибири) / А. П. Окладников // СА. – 1936. – Т. 1. – С. 215–244.

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья / А. П. Окладников. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. 1, 2. – 412 с. – (МИА ; № 18).

Ошибкина С. В. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья / С. В. Ошибкина. – М. : Наука, 1983. – 296 с.

Ошибкина С. В. Веретье I. Поселение эпохи мезолита на Севере Восточной Европы / С. В. Ошибкина. – М. : Наука, 1997. – С. 73–74.

Первые рыболовы в заливе Петра Великого. Природа и древний человек в бухте Бойсмана / отв. ред. Ю. Е. Вострецов. – Владивосток : ДВО РАН, 1998. – 389 с.

Петри Б. Э. Неолитические находки на берегу Байкала. Предварительное сообщение о раскопках стоянки Улан-Хада / Б. Э. Петри // Сб. МАЭ АН. – 1916. – Т. 3. – С. 113–132.

Пятиязычный словарь названий животных. Рыбы. Латинский, русский, английский, немецкий, французский. / Ю. С. Решетников, А. Н. Котляр, Т. С. Расс, М. И. Шатуновский. – М. : Рус. яз., 1989. – 733 с.

Роговской Е. О. Местонахождение Остров Лиственичный в общих проблемах ангарского неолитоведения / Е. О. Роговской, А. М. Кузнецов, А. А. Попов // Феномен геoarхеологической многослойности Байкальской Сибири. 100 лет Байкальской научной археологии : материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня открытия Б. Э. Петри Улан-Хады. – Иркутск, 2012. – С. 171–177.

Роговской Е. О. Геoarхеологические исследования на палеолитических объектах Северного Приангарья / Е. О. Роговской, С. А. Когай., В. М. Новосельцева, Е. Б. Ощепкова, А. А. Попов, С. П. Таракановский // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геoarхеология. Этнология. Антропология. – 2012. – № 1. – С. 203–219.

Роговской Е. О. Наконечники гарпунов многослойного местонахождения Остров Лиственичный в Северном Приангарье / Е. О. Роговской, А. М. Кузнецов // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геoarхеология. Этнология. Антропология. – 2013. – № 1 (2). – С. 102–115.

Стоянки Ангаро-Бельского района («Бадайский» комплекс) / Г. И. Медведев, А. М. Георгиевский, Г. Н. Михнюк, Н. А. Савельев // Мезолит Верхнего Приангарья. – Иркутск, 1971. – Ч. 1. – С. 31–90.

Студзицкая С. В. Памятники искусства малых форм древней Сибири как исторический источник : автореф. дис. ... канд. ист. наук / С. В. Студзицкая. – М., 1972. – 15 с.

Студзицкая С. В. Соотношение производственных и культовых функций сибирских неолитических изображений рыб / С. В. Студзицкая // Из истории Сибири. – Томск, 1976. – Вып. 21. – С. 74–89.

Ташак В. И. К вопросу о возникновении рыболовства на юге Западного Забайкалья / В. И. Ташак // Тез. докл. Междунар. конф. – Улан-Удэ, 1996. – Ч. 2. – С. 61–64.

Тимошенко Д. А. Скульптурные изображения рыб с археологических объектов Приольхонья / Д. А. Тимошенко // Наследие древних и традиционных культур : материалы 40-й регион. археол.-этногр. студ. конф., Новосибирск, 1–6 фев. 2000 г. – Новосибирск, 2000 – Т. 1. – С. 102–103.

Федоров В. В. Некоторые орудия рыболовства неолитического времени / В. В. Федоров // СА. – 1937. – № 3. – С. 101–112.

Формозов А. А. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории европейской части СССР / А. А. Формозов. – М. : Наука, 1977. – 143 с.

- Шаганов А.* Налим. Все способы ловли / А. Шаганов. – СПб. : Медиана, 2009. – 104 с.
- Шмыгун П. Е.* Докерамические комплексы из четвертичных отложений Северного Байкала / П. Е. Шмыгун // Рельеф и четвертичные отложения Станового нагорья. – М., 1981. – С. 120–128.
- Цепкин Е. А.* К истории промысловой ихтиофауны и рыболовства в среднем течении Ангары / Е. А. Цепкин // Вопр. ихтиологии. – 1980. – Т. 20, вып. 3. – С. 543–545.
- Эверстов С. И.* Рыболовство в Сибири. Каменный век / С. И. Эверстов. – Новосибирск : Наука, 1988. – 144 с.

Fishing in the Early Holocene on the Multilayer Site Listvenichniy Island (in a Flood Zone of Boguchanskaya HPP)

E. O. Rogovskoy, A. M. Kuznetsov

Abstract. Up to the date there was no specific study on the ancient fishing of Northern Angara region. Besides, some fishing tools were regularly found on different archeological objects of different dates, starting with the first steps of discovering the ancient history of the region. The Boguchan expedition materials were added to the fund of sources, helping to reveal the detailed aspects of fishing of the Early Holocene. One of the most important places belongs to the multilayer site Listvenichniy Island. Found on this object, a vast fish fauna and number of fishing tools demonstrate the advanced fishing in 9000–8000 BP manifested in different ways of fishing and certain seasonality. Listvenichniy Island, in the context of general issues of Pleistocene-Holocene archeology of Baikal Siberia and neighbor areas, with its elaborated and technologically verified tools, executes a big importance on the study of early stages of ancient fishing. On the other side, it represents the original pre-ceramic culture manifestation that influenced the Neolithic period of the region.

Key words: Baikal Siberia, Northern Angara region, Listvenichniy Island, Early Holocene, fishing, harpoon, hook, fish fauna,

Роговской Евгений Олегович

кандидат исторических наук
научный сотрудник, филиал Института археологии и этнографии СО РАН «Иркутская лаборатория археологии и палеоэкологии»; инженер, Иркутский государственный университет
664003, Россия, г. Иркутск,
ул. К. Маркса, 1, eor127@yandex.ru

Rogovskoy Evgeniy Olegovich

Ph. D. in History
Researcher, Branch of the Institute of Archeology and Ethnography «Irkutsk Laboratory of Archaeology and Paleoecology», SB RAS; Engineer, Irkutsk State University
1, K. Marks str., Irkutsk, Russia, 664003,
eor127@yandex.ru

Кузнецов Алексей Михайлович

лаборант, Иркутский государственный университет
664003, Россия, г. Иркутск,
ул. К. Маркса, 1, golos_siberia@list.ru

Kuznetsov Alexey Mikhaylovich

Laboratory Assistant,
Irkutsk State University
1, K. Marks str., Irkutsk, Russia, 664003,
golos_siberia@list.ru